

ПРАВО

Научная статья
УДК 343
doi: 10.17223/15617793/476/24

Проблемы законодательного конструирования уголовно-правовых норм, направленных на защиту объектов топливно-энергетической инфраструктуры Российской Федерации

Максим Викторович Бавсун¹

¹*Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, kafedramvd@mail.ru*

Аннотация. Формулируются проблемы, связанные с законодательным конструированием уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность. Продемонстрирована внутренняя несогласованность и противоречивость предписаний ст. 215³ Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), связанная с чрезмерной перегруженностью и принципиальной несовместимостью признаков состава преступления в рамках одной нормы УК РФ. Сформулированы предложения по изменению редакции ст. 215³ УК РФ и других норм уголовного закона.

Ключевые слова: преступные последствия, нефтепровод, незаконное подключение, уголовная ответственность, аналогия

Для цитирования: Бавсун М.В. Проблемы законодательного конструирования уголовно-правовых норм, направленных на защиту объектов топливно-энергетической инфраструктуры Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 220–224. doi: 10.17223/15617793/476/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/24

Problems of the legislative design of criminal law norms aimed at protecting fuel and energy infrastructure facilities of the Russian Federation

Maksim V. Bavsun¹

¹*Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, kafedramvd@mail.ru*

Abstract. Within the framework of the article, the author formulates problems associated with the legislative design of criminal law norms that provide for criminal liability for unauthorized connection to oil pipelines, oil product pipelines, and gas pipelines, or for making them unusable. The aim of the article was to develop and formulate approaches to the elimination of legal conflicts arising from the incorrect formulation of criminal law norms and to improve the practice of applying the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, provided for by Art. 215³ of the Criminal Code of the Russian Federation. The article is based on the doctrinal provisions of the science of criminal law concerning the legal technique of designing criminal law norms, as well as materials of law enforcement practice. As a result of the study, the author demonstrates an internal inconsistency in the prescriptions of Art. 215³ of the Criminal Code of the Russian Federation, associated with excessive overload and fundamental incompatibility of signs of corpus delicti within the framework of one norm of the Criminal Code of the Russian Federation. In particular, mandatory signs of a particularly qualifying corpus delicti must include a special subject, a person subjected to administrative punishment for a similar act, and consequences, in the form of disruption of the normal operation of the oil pipeline and selfish or hooligan motives in the perpetrator's behavior. Thus, it is impossible to apply the provisions in practice without violating the principle of legality and using the analogy of criminal law. The author states that in many ways the nature of the origin of the problems that we have to speak about more and more often are constant questions about the competition between general and specific norms, and, if these questions are undecidable, we have to speak about the widespread use of the banned analogy. The conclusions of the study are: the author's proposals on amending Art. 215³ of the Criminal Code of the Russian Federation and other norms of the criminal law; an indication of the need to eliminate unnecessary duplication of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and to create more and more highly specialized special norms that compete with general criminal law prohibitions. In addition, the ways of changing approaches to the qualification of these acts have been identified; these ways allow for a consistent counteraction to negative socially dangerous acts and respect for the interests and rights of citizens.

Keywords: criminal consequences, oil pipeline, illegal connection, criminal liability, analogy

For citation: Bavsun, M.V. (2022) Problems of the legislative design of criminal law norms aimed at protecting fuel and energy infrastructure facilities of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 220–224. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/24

Отмеченная в заголовке работы законодательная конструкция представляет собой по-настоящему уникальное явление, демонстрирующее крайне сложный законодательный продукт. В особенности это касается ч. 5 ст. 215³ УК РФ, привлечение к уголовной ответственности по которой в сочетании с ч. 3 этой же статьи становится возможным лишь при наличии принципиально отличающихся друг от друга последствий (или даже потенциальной возможности их наступления), указанных в законе, наряду с мотивационной деятельностью виновного (корыстные или хулиганские побуждения, ч. 3 ст. 215³ УК РФ). В итоге для привлечения лица к ответственности, во-первых, необходимо установить факт разрушения, повреждения или приведения иным способом в негодное для эксплуатации состояние нефтепроводов; во-вторых, перечисленные действия, причиняющие при этом самостоятельные последствия, должны дополнительно повлечь за собой нарушение нормальной работы указанных в статье объектов инфраструктуры или даже только создать угрозу нарушения их функционирования; в-третьих, согласно ч. 5 этой статьи, которая применима в том числе и в сочетании с ч. 3, должны наступить последствия в виде смерти или иных тяжких последствий; в-четвертых, все перечисленные последствия (в обеих частях статьи) должны быть объединены корыстным или хулиганским мотивом. Соответственно, любой другой мотив, даже при наличии всех последствий, указанных в обеих частях статьи, исключает уголовную ответственность как по ч. 3, так и по ч. 5 ст. 215³ УК РФ, делая бесполезным сам факт существования нормы в таком ее изложении. Вполне естественно, что сочетание различных по своей сути последствий (а также возможность их отсутствия, что добавляет свои особенности в уголовно-правовую оценку данного преступления) с совершенно разрозненными мотивами, каждый из которых вызывает самостоятельные вопросы как в доктрине, так и в практической деятельности, не может не создавать дополнительные сложности в применении исследуемой статьи¹ [1. С. 127–128].

Впрочем, пик противоречивости приходится даже не на перечисленные выше условия (и их несовместимость) применения исследуемой нормы, а на принципиальную неспособность сосуществования в рамках квалификации ч. 5 с ч. 1 одной и той же статьи (ст. 215³ УК РФ). Дело в том, что обязательным требованием диспозиции статьи является совершение данного преступления лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, и только оно может быть привлечено к ответственности по ч. 5 статьи по признаку наступления одного из последствий. Соответственно, если будет осуществлено самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам или газопроводам, при этом по

неосторожности будет причинена смерть другому человеку, однако сам виновный ранее не был привлечен к административной ответственности за аналогичное деяние, то реализация уголовной ответственности в его отношении становится невозможной по специально созданному для этого положению уголовного закона. Нарушается одно из обязательных и незыблемых правил о конкуренции норм, закрепленное в ч. 3 ст. 17 УК РФ. Скорее всего, в ситуациях подобного рода будет подбираться аналогичная статья как, например, соответствующая часть ст. 109 УК РФ или что-то другое, максимально близкое в соответствии с конкретными обстоятельствами отдельно взятого события (соответствующие части ст. 247, 250, 252, 254 УК РФ и др.), но только не ч. 5 исследуемой статьи. Юридическая оценка содеянного по ее признакам, в связи с несочетаемостью обязательных условий применения диспозиции нормы с последствиями, указанными в числе особо квалифицирующих обстоятельств, исключается априори, делая невозможным формирование даже минимальной практики применения ч. 5 ст. 215³ УК РФ.

Собственно, отсюда и статистические показатели, которые начиная с момента появления нормы в июле 2018 г. и по сегодняшний день применительно к ч. 5 ст. 215³ УК РФ являются нулевыми. Именно об этом свидетельствует анализ форм статистической отчетности Судебного департамента Российской Федерации. В частности, форма 10-а «Отчет о числе всех осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации», а также форма 10-1 «О числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» – «пустые», что не просто констатирует сам факт отсутствия лиц, привлеченных и осужденных по исследуемой норме, а косвенно указывает на причины нулевого баланса деятельности правоприменителя в данной части², которые лежат в плоскости юридической техники, требующей определенной корректировки. Все это позволяет вести речь не о высокой превентивной роли данного положения закона, обеспечивающей такую статистику, а о мертворожденности тех изменений, которые произошли в 2018 г. и которые, собственно, и лежат в основе такого состояния дел в данном направлении.

На этом фоне вполне логичными видятся предложения, высказываемые в современной уголовно-правовой доктрине, относительно возможных вариантов корректировки данного законодательного предписания. В частности, А.И. Приходько совершенно справедливо указывает на необходимость упрощения уже самой диспозиции статьи, что вполне возможно за счет исключения из нее мотивов данного посяательства. Также автором предлагается исключить указание на то, что названные в диспозиции деяния по-

влекли или могли повлечь нарушение нормального функционирования, поскольку любое несанкционированное вмешательство в работу объекта топливно-энергетического комплекса (ТЭК) нарушает его штатный режим работы³ [2. С. 10]. Не вдаваясь в детали высказываемых предложений, лишь отметим, что все они направлены на упрощение конструкции, а это сегодня жизненно необходимо как для статьи в целом, так и для ее части пятой в особенности. Подобные изменения требуются для повышения эффективности противодействия, безусловно, опасному и достаточно распространенному явлению в структуре современной преступности. Более того, на фоне все возрастающих угроз в отмеченном направлении, дополнительные сложности в правовом регулировании лишь усугубляют ситуацию, не позволяя использовать ни предупредительный, ни карательный потенциал уголовного законодательства Российской Федерации.

Особенно это важно на фоне того, что фактические данные о состоянии преступности в исследуемой сфере указывают на возрастающую потребность в принятии и реализации срочных мер, к коим относятся и совершенствование (в данном случае упрощение) законодательной техники. Так, Росфинмониторингом отмечается сохранение высокого уровня угроз именно в топливно-энергетическом комплексе. Причем эти угрозы не ограничиваются собственно хищениями, а выступают в роли основы для криминализации значительно больших групп общественных отношений. В частности, указывается на провоцирующую роль теневых оборотов в топливно-энергетической сфере для коррупционных проявлений, влияние организованных преступных групп на функционирование субъектов ТЭК, совершение налоговых преступлений, нарушение таможенного законодательства, вывод денежных средств предприятий ТЭК за рубеж, хищение бюджетных средств, выделяемых на реализацию федеральных целевых программ и крупных государственных контрактов, и многое другое⁴. При этом прямой ущерб от собственно хищений в топливно-энергетическом комплексе в одном только Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации и только лишь в одном 2020 г. составил 1,6 млрд руб.⁵. Как общий итог – это криминализация всей отрасли, тянущей за собой смежные направления экономической (и не только) деятельности. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за последние 2,5 года вскрыто свыше 55 тыс. нарушений в исследуемой сфере. В суды направлено около 5 тыс. исков и заявлений, привлечено к дисциплинарной и административной ответственности свыше 15 тыс. лиц, расследовано более 1,5 тыс. уголовных дел о преступлениях в сфере ТЭК в отношении порядка 2 тыс. лиц⁶.

Аналогичные данные приводятся и по Северному Кавказу, а также по другим регионам страны, для которых нефтегазодобыча является одним из направлений экономической деятельности. Так, сумма ущерба от преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса в Северокавказском регионе только в

2019 г. превысила 2,3 млрд руб.⁷. Речь, безусловно, идет лишь о фактически установленной сумме, при этом о потенциальных суммах ущерба, который был причинен в результате латентных преступлений, никто даже не рассуждает, так как определить его объем просто невозможно.

Вполне естественно, что противодействие столько масштабному для нашей страны негативному явлению при не просто сложном, а с серьезными внутренними противоречиями законодательстве если и не невозможно, то существенно затруднено. Следует отметить, что с высокой степенью актуальности упрощения законодательной конструкции ч. 5 ст. 215³ УК РФ согласились и практические работники из числа следователей Следственного комитета Российской Федерации, в чью подследственность, согласно ст. 151 УПК РФ, входит расследование преступлений, предусмотренных данной частью указанной статьи. Так, по результатам анкетирования 72 следователей данного ведомства в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также в г. Омске и Омской области, проведенного в 2021 г., подавляющее большинство (92,5%) высказались за необходимость изменения ч. 1 ст. ст. 215³ УК РФ, которое должно произойти по пути исключения из ее диспозиции указания на предыдущее привлечение к административной ответственности за аналогичное деяние. Именно такая корректировка позволит применять квалифицированные составы данной статьи и ее часть пятую в частности⁸. Остальная часть специалистов в ходе анкетирования не высказали однозначной позиции по исследуемому вопросу.

И дело в данном случае не только в несовместимости обязательных условий, указанных в первой и пятой частях одной и той же статьи УК РФ, а в самостоятельной общественной опасности тех последствий, которые указаны законодателем в ч. 5 ст. ст. 215³ УК РФ. Для привлечения к уголовной ответственности при их фиксации не должно требоваться каких-либо дополнительных условий за исключением собственно противоправного деяния, описание которого находит соответствующее выражение в диспозиции нормы. Более того, для настоящего уголовного закона именно такой подход является характерным, а выход за него – нетипичным, противоречащим не только логике изложения материала, но и в целом принципу формирования статей УК РФ. Так, если посмотреть на аналогичные нормы уголовного законодательства, в которых используются последствия в виде наступления смерти по неосторожности или иные тяжкие последствия (например, ч. 2 ст. 215, ч. 2–5 ст. 267, п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127 УК РФ и др.), то видно, что связь между деяниями, описание которых происходит в диспозиции нормы, и последствиями, отраженными в квалифицированных составах, является непосредственной. Дополнительные условий для квалификации в виде административной преюдиции, как правило, не требуется либо таковая может быть в диспозиции нормы, но при этом выделяться в качестве самостоятельного состава. Соответственно последствия, выступающие сейчас в ролиотягчающих обстоятель-

ств, должны стать составообразующими, пусть даже и в рамках второй и последующих частей статьи. В противном случае при сложившемся подходе, во-первых, данная законодательная конструкция по-прежнему будет неприменимой, а во-вторых, также будет провоцироваться аналогия уголовного закона, неизбежность которой не вызывает сомнений, несмотря на ее прямой запрет в ч. 2 ст. 3 УК РФ. Фактически она уже существует. В дальнейшем рост случаев ее применения просто получит соответствующим образом выраженную тенденцию.

В свою очередь такое положение дел вынуждает задуматься о целесообразности самого факта существования нормы, предусмотренной ст. 215³ УК РФ. Способность государства защитить данную сферу общественных отношений при отсутствии исследуемого положения уголовного закона представляется очевидной. Для этого сегодня есть весь спектр уголовно-правовых норм, необходимых для реализации уголовной ответственности за исследуемое деяние, суть которого сводится либо к хищению, либо к одному из перечисленных в различных частях статьи последствий. И те и другие в отечественном Уголовном кодексе предусмотрены, а собственно врезка в нефтепроводы может выступать в качестве отягчающих их обстоятельств, что отчасти уже сейчас находит соответствующее выражение в отдельных положениях уголовного закона (например, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ). С юридико-технической точки зрения предусмотреть квалифицирующие признаки в статьях, регламентирующих ответственность за блок «экологических преступлений», не составляет труда⁹. Более того, реализация данного подхода позволит привести в соответствие объект уголовно-правовой охраны, который при нынешнем положении вещей размыт за счет того, что лишен конкретности, определяемой характером причиняемого ущерба. В итоге мы изначально имеем искусственное образование, помещенное законодателем в главу «Преступления против общественной безопасности», последствия от которого в целом к нарушению таковой никакого отношения не имеют. И здесь как никогда полезным представляется зарубежный опыт правовой регламентации данного вопроса, который полностью подтверждает высказанное предположение. Так, В.В. Алиадзе, А.Г. Волеводз и М.К. Татаринев в своем исследовании отмечают,

что «в уголовном законодательстве абсолютного большинства государств, участвующих в производстве, транспортировке, перераспределении энергоресурсов, нет такого понятия, как преступления в сфере ТЭК или энергетические преступления» [3. С. 98]. Весь блок объектов, регламентируемых законодательством зарубежных государств в рассматриваемом нами случае, сводится к трем основным аспектам: право собственности, энергетическая общественная безопасность, экологическая общественная безопасность (экологические преступления в сфере энергетики)¹⁰.

Реализованная за рубежом идея, безусловно, не лишена своего смысла и, что самое главное, логического законодательного выражения. Ее претворение в жизнь позволяет, во-первых, акцентировать внимание уголовного законодательства в данной части на охрану не просто общественной безопасности как максимально широкого явления, а именно его определенной части, что немаловажно для усиления уголовно-правовой охраны данной группы общественных отношений; во-вторых, обеспечить экономию законодательного материала, профилирование которого в отечественном правовом регулировании уже давно стала неким постоянно восходящим и неуправляемым трендом. Собственно, во многом и природа происхождения тех проблем, о которых приходится вести речь все чаще, – это постоянные вопросы о конкуренции общих и специальных норм, а при их неразрешимости – повсеместное использование находящейся под запретом аналогии. В качестве третьего, очевидного для правовой регламентации данного вопроса в отечественном уголовном законодательстве позитивного аспекта, выступает фактор снятия уже накопившихся проблем в конструировании, а соответственно, и применении непосредственно ст. 215³ УК РФ.

Обеспечение каждого из отмеченных аспектов зависит от выбора направления совершенствования, которое может быть сведено к трансформации самого предписания либо в целом подхода к уголовно-правовому регулированию ответственности за исследуемое деяние. В то же время каждый из них имеет право на самостоятельное существование и, что самое главное, реализацию, позволив при этом создать необходимые предпосылки для более эффективного противодействия исследуемому явлению негативного характера.

Примечания

¹ Так, А.С. Туманов совершенно справедливо отмечает, что наличие корыстного мотива при совершении действий, указанных в ч. 3 ст. 215³ УК РФ, неизбежно уводит нас в направлении п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, заставляя делать выбор либо вынуждая квалифицировать по совокупности преступлений. Однако здесь возникает вопрос, обоснованность которого не вызывает сомнений: как мы можем дважды при совершении одного действия вменять лицу один и тот же, в данном случае – корыстный, мотив? Хотя нельзя не отметить, что судебная практика нередко идет именно по этому пути. См.: Бюллетень судебной практики Московского областного суда за второе полугодие 2020 г. Красногорск, 2021. Извлечение из апелляционного определения от 3 декабря 2020 г. по делу № 22-6675/2020. URL: https://www.mosoblsud.ru/ss_detale.php?id=150473.

Не менее спорной является ситуация и с хулиганским побуждением, которое применительно к данному составу выглядит как искусственное и нежизнеспособное образование, имеющее, тем не менее, статус одного из обязательных условий квалификации по ч. 5 исследуемой статьи. См. об этом более подробно [1].

² См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>; URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>; URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>.

³ См. об этом более подробно: [2]. Важно отметить, что данная работа была защищена (а соответственно, и готовилась) до появления в конструкции ст. 215³ УК РФ части пятой, т.е. до ее дополнительного усложнения за счет включения в конструкцию новых и часто несочетаемых признаков. Дело в том, что до июля 2018 г., когда произошла законодательная трансформация в данной части, применение

исследуемой статьи уже сталкивалось с серьезными проблемами, обусловленными именно особенностями законодательной техники исследуемого предписания.

⁴ Федеральная служба по финансовому мониторингу. URL: <https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2020/отчет%2019.pdf>

⁵ См.: Патрушев посетовал на высокий уровень преступности в ТЭК на северо-западе РФ. URL: <https://www.interfax.ru/russia/712474>

⁶ См.: В Генпрокуратуре призвали очистить российский ТЭК от воровства и коррупции. URL: <https://www.interfax.ru/business/677087>

⁷ См. об этом более подробно: URL: <https://tass.ru/v-strane/7654405>; URL: <https://journals.eco-vector.com/byusu/article/view/61600/44671>; Ущерб «Транснефти» от криминальных врезок в 2020 году превысил 600 млн рублей. URL: <https://www.transneft.ru/pressReleases/view/id/13131/>

⁸ Следует отметить, что абсолютное большинство респондентов не расследовали уголовных дел не только по ч. 5 ст. 215³ УК РФ, но и по любой другой части данной статьи. Выбор категории анкетизируемых осуществлялся по критерию подследственности.

⁹ Например, загрязнение атмосферы (ст. 251 УК РФ) или загрязнение морской среды (ст. 252 УК РФ) и др. в результате самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведения их в негодность.

¹⁰ См.: [З. С. 100–101].

Список источников

1. Туманов А.С. Квалификация кражи из трубопровода, сопряженной с приведением его в негодное состояние // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 1. С. 127–128.
2. Приходько А.И. Уголовно-правовая характеристика посягательств на объекты топливно-энергетического комплекса (ТЭК) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
3. Алиадзе В.В., Волеводз А.Г., Татаринов М.К. Правовая безопасность в сфере топливно-энергетического комплекса: постановка проблемы // SOCAR Proceedings. 2019. № 3.

References

1. Tumanov, A.S. (2021) Qualification of theft from a pipeline associated with bringing it into a state of disrepair. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta – Juridical Journal of Samara University*. 1 (7). pp. 127–128. (In Russian). DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-1-126-130
2. Prikhod'ko, A.I. (2018) *Ugolovno-pravovaya kharakteristika posyagatel'stv na ob'ekty toplivno-energeticheskogo kompleksa (TEK)* [Criminal and legal characteristics of encroachments on objects of the fuel and energy complex (TEK)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
3. Aliadze, V.V., Volevodz, A.G. & Tatarinov, M.K. (2019) Legal security in fuel and energy complex: statement of problem. *Nauchnyye Trudy NIPi NEFTEGAZ GNKAR – SOCAR Proceedings*. 3. (In Russian). DOI: 10.5510/OGP20190300403

Информация об авторе:

Бавсун М.В. – д-р юрид. наук, зам. начальника по научной работе Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kafedramvd@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Bavsun, Dr. Sci. (Law), deputy head for research affairs, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kafedramvd@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.09.2021;
одобрена после рецензирования 06.12.2021; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 27.09.2021;
approved after reviewing 06.12.2021; accepted for publication 28.03.2022.*